

Р.М. Никаев

В октябре 2012 г. исполняется 20 лет трагическим событиям осени 1992 г., вошедшим в новейшую историю России как осетино-ингушский конфликт. Это словосочетание прочно вошло в сознание граждан России после 31 октября – 5 ноября 1992 г. Рассматривая название конфликта, его терминологию надо отметить следующее. Во-первых, в основе конфликта лежат претензии ингушей к осетинской стороне. Осетины аналогичных претензий ингушской стороне не предъявляли. Во-вторых, вооруженные столкновения начались после появления в селах Пригородного района Северной Осетии вооруженных ингушских отрядов [1]. В-третьих, дальнейшие события носили ответный характер, при этом необходимо отметить, что ни одна из сторон конфликта в те дни не задумалась о соразмерности своих действий. С лексической стороны конфликт именуется «осетино-ингушским» правильно. Однако с правовой и моральной стороны конфликт, на мой взгляд, следует именовать «ингушско-осетинским» в силу изложенных выше обстоятельств.

Ключевым звеном проблемы являются территориальные претензии ингушей к осетинам. Так, по мнению ингушской стороны, Пригородный район и правобережная часть Владикавказа являются ингушскими землями, которые незаконно удерживает Северная Осетия. Земельный вопрос в регионе исторически является одним из самых сложных и запутанных по настоящее время. В частности на Северном Кавказе зафиксировано 32 территориальных спора [2], а по подсчётам Р.Г. Абдулатипова почти «50 территориальных взаимоотношений» [3]. В советский период в силу известных причин какое-либо упоминание о территориальных претензиях одних народов к другим негласно находилось под запретом. Это было вызвано тем, что власть и общество понимало, насколько опасна данная проблема. Фактически в общественном сознании возобладал инстинкт самосохранения. В то же время в узком кругу разговоры о той или иной территории, об историческом праве «на земли предков» никогда не прекращались. С началом перестройки о территориальных претензиях одних

Взгляд на трагедию осени 1992 года: 20 лет спустя

Р.М. Никаев*

народов к другим заговорили уже на различных съездах народов, митингах, собраниях и т. д. Обозначилась тенденция постепенного выхода ситуации из-под контроля.

В 1991 г. произошло несколько знаковых событий, взорвавших мир в регионе. Первое. 26 апреля 1991 г. был принят неоднозначно воспринятый в регионе ФЗ «О реабилитации репрессированных народов». По этому закону народы, подвергшиеся депортации, получали значительную денежную компенсацию. А статьи 3 и 6 прямо предусматривали территориальную реабилитацию. Тем не менее, в законе не был прописан правовой механизм претворения в жизнь указанных статей. Второе. К концу осени 1991 г. достиг апогея кризис вокруг Чечни, когда 2 ноября Джохар Дудаев провозгласил независимость республики задним числом с 1 ноября 1991 г. Третье. Распад Советского Союза в декабре 1991 г. Четвертое. В свое время в ходе противоборства с союзным центром Б.Н. Ельцин предложил республикам брать «суверенитета столько, сколько сможете...». В тот момент инстинкт самосохранения оказался сильнее. Однако 4 июня 1992 г. Верховный Совет РСФСР принял Федеральный Закон «Об образовании Ингушской республики в составе Российской Федерации», без указания административных границ нового субъекта Российской Федерации и республиканского центра. Этим решением руководство страны в лице Верховного Совета РСФСР и Президента РСФСР «взорвало» ситуацию. Таким образом, отсутствие административных границ и республиканского центра у вновь образованной Ингушской республики явилось спусковым крючком последующих событий. Были сняты все барьеры на пути передела границ в регионе.

Осенью 1992 г. Северный Кавказ вступил в «новую эпоху». Час «Х» наступил 31 октября 1992 г., когда вооруженные бандформирования¹, используя как плацдарм территорию Ингушетии, напали на Северную Осетию с целью захватить и отторгнуть от Северной Осетии Пригородный район и правобережную часть Владикавказа. В ходе боев с 31 октября по 4–5 ноября 1992 г. было убито более

* Никаев Р.М. – кандидат исторических наук.

600 человек, а около 900 ранено [4]. Мартиролог ингушской стороны насчитывает 295 убитых и 190 пропавших без вести [5]. Спустя почти два десятилетия, по моему мнению, следует признать, что перелома к лучшему в сознании значительной части ингушей и осетин за эти годы не произошло. Были подписаны различные документы «об урегулировании...; – нормализации...; – поэтапном решении» и т. д. и т. п. Руководству страны о своих миротворческих успехах неоднократно рапортовали обе стороны. В то же время упускалось и упускается главное – проблема не решена, поскольку Москва ушла от правовой и моральной оценки вооруженного нападения ингушских национал-экстремистов на Северную Осетию в октябре-ноябре 1992 г. Трагические события тех дней в российском обществе не были объективно и всесторонне освещены и поэтому не получили должной оценки. Политическая элита и научно-экспертное сообщество также не смогли выработать единой точки зрения. Проблема, на мой взгляд, заключалась в том, что вооруженное нападение ингушских национал-экстремистов на Северную Осетию рассматривалось сквозь призму сложившихся в федеральном центре дилетантских, поверхностных взглядов на историю взаимоотношений народов Северного Кавказа, в частности ингушей и осетин, на их проблемы, в целом этнополитическую ситуацию в проблемном регионе. Одним из выразителей подобного подхода стал профессор А.Г. Здравомыслов [6]. По его мнению, требования дать правовую и политическую оценку – «это попытка завести все дело в тупик ...это очень болезненный вопрос, очень сложный. ...Я не согласен с позицией, что нужно в данный момент добиваться такой оценки. Такая настойчивость ни к чему (хорошему. – *Аем.*) не приведет. Нужно отложить эти вопросы» [7]. Наконец, федеральный центр не обозначил свою позицию в территориальном споре. Выбор невелик. Или соблюдение норм Конституции РФ и РСО-А, или исполнение Федерального Закона «О реабилитации репрессированных народов» со всеми вытекающими из этого последствиями. Таким образом, третьего не дано. Попытка выработки какого-либо третьего варианта изначально обречена на провал, поскольку он будет нелегитимен и не устроит ни ингушскую, ни осетинскую сторону.

В ингушском обществе сложился своеобразный консенсус в территориальных претензиях к Северной Осетии. Если официальные представители Ингушетии проявляют определенную сдержанность, то на бытовом уровне, в повседневной жизни иная картина. Отношения между РСО-А и РИ можно охарактеризовать как «замороженный» или «отложенный» конфликт. При этом на нижнем уровне отношения практически отсутствуют, поскольку большинство ингушей и осетин не доверяют друг другу. Ингушетия и ингушский народ не собираются отказываться от территориальных претензий к Северной Осетии. Статья 11 Конституции Республики Ингушетия по-прежнему гласит: «Возвращение политическими средствами незаконно отторгнутой у Ингушетии территории и сохранение территориальной целостности Республики Ингушетия – важнейшая задача государства» [8]. В свою очередь среди осетин также нет желающих пойти на уступки восточным соседям. Более того, осетинская позиция юридически безупречна, поскольку базируется на требовании соблюдения Конституции РФ и РСО-А. Попытки определенной части оппонентов перевести обсуждение вопроса в морально-этическую плоскость следует рассматривать как лукавство. Так, в случае с захватом школы и детей в заложники в Беслане (1 сентября 2004 г.) на первое место вышел правовой тезис, что преступность – интернациональное явление и у преступников нет национальности. В случае же с Пригородным районом и правобережной частью Владикавказа осетинской стороне пытаются навязать рассмотрение вопроса через призму морали, отбрасывая в сторону правовой аспект.

Основополагающим правом человека является право на жизнь. Главной проблемой человеческого общества всегда являлся «вопрос об обеспечении безопасности жизни, а равно и об обеспечении безопасности всего того – и социального, и природного, – без чего она не может сохраняться и развиваться, без чего непременно наступит смерть» [9]. В постсоветской России ценность человеческой жизни была существенно девальвирована. Следует признать, что в настоящее время Российское государство не в состоянии гарантировать человеку не только реализацию его права на достойную жизнь, но и само право на нее [10].

¹ Банда (*ит. banda*) – «в уголовном праве устойчивая вооруженная группа, созданная в целях нападения на граждан или организации. Как особое образование характеризуется следующими признаками: наличие двух или более лиц (группа); устойчивость (стабильность состава, тесная взаимосвязь между членами, согласованность действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительное существование банды, количество совершённых преступлений); вооруженность (наличие огнестрельного или холодного оружия у хотя бы одного из членов банды и осведомленность об этом других ее членов, которые допускали возможность его применения)» (Юридический словарь. Под редакцией А.Н. Азрипяна М., 2007, с. 23).

Следовательно, вооруженные незаконные формирования Ингушетии, напавшие 31 октября 1992 г. на Северную Осетию и начавшие недельную межнациональную, территориальную войну должны характеризоваться как огромная банда, а их кровавые действия как бандитизм – «преступление, в котором объект преступления: общественная безопасность, а также личная свобода и неприкосновенность человека. Объективная сторона включает создание устойчивой группы (банды) в целях нападения на граждан или организации; руководство бандой; участие в банде или в совершаемых ею нападениях. Бандитизм считается оконченным преступлением с момента совершения хотя бы одного из вышеперечисленных действий. Если в процессе бандитского нападения был причинен тяжкий вред здоровью либо наступила смерть потерпевшего, то необходима дополнительная квалификация по совокупности» (Там же).

Распад Советского Союза, разрушение существовавшей социально-экономической системы, начавшийся передел государственной собственности разрушили существовавший уклад жизни на Северном Кавказе. Одним из последствий вооруженного нападения на Северную Осетию 31 октября 1992 г. стал переход жизни народов региона в другое измерение. Российская Федерация в октябре–ноябре 1992 г. оказалась не в состоянии защитить своих граждан. Нападение ингушских национал-экстремистов на Северную Осетию и развязанная ими недельная межнациональная война стала самым кровавым террористическим актом в новейшей истории Российского государства. За пять дней боестолкновений было убито около 1000 человек, в основном осетин и ингушей [11]. После завершения «горячей фазы» наступил период ожидания, что будет дальше. Российское общество в целом и народы Северного Кавказа в частности ожидали от федерального центра правовой и моральной оценки происшедшего. Однако руководство страны предпочло уйти от оценки событий, ограничившись крупными денежными вливаниями (компенсации, помощь и т. д.). Для ликвидации последствий конфликта за прошедший с тех трагических дней период было немало сделано. В то же время Москва совершила, на мой взгляд, принципиальную ошибку. Ликвидация последствий вооруженного противостояния не решает и не может решить в принципе самой проблемы. Решение проблемы подменили денежными интервенциями. Попытки Северной Осетии добиться от Кремля правовой оценки трагедии 1992 г. наткнулись на своеобразную «стену молчания». В этой ситуации уместно предположить, что власть не выработала ясной позиции, либо это показатель ее несостоятельности. По моему мнению, нежелание Москвы дать правовую оценку нападению на Северную Осетию в 1992 г. можно объяснить следующим. Во-первых, рассуждая об ответственности или виновности той или иной стороны конфликта, нельзя обойти молчанием роль политического руководства России тех дней. Эскалация ингушско-осетинского конфликта, военные действия в Чечне поразительно совпали с кризисными явлениями в экономике России, с началом так называемой приватизации государственного имущества. Начало операции по восстановлению конституционного порядка в Чеченской Республике пришлось на 11 декабря 1994 г., т. е. почти день в день совпало с первой годовщиной принятия новой Конституции. Президент и его сторонники до 12 декабря 1993 г. непрерывное падение жизненного уровня населения объясняли следствием противодействия съезда народных депутатов курсу экономических и политических реформ. Однако год прошедший после устранения съезда народных депутатов и принятия Конституции не привел к улучшению качества жизни россиян. К этому времени не только противники, но даже и самые наивные сторонники Б.Н. Ельци-

на, поверившие его обещаниям, стали задаваться вопросом, сколько еще ждать обещанного благополучия. Следующим моментом должно было стать осознание того факта, что их обманули. В это время кровавый конфликт на территории Северной Осетии, его беспрецедентное по масштабности освещение печатными и электронными СМИ отвлекли на себя общественное мнение России. Особенно преуспели в этом журналисты, представлявшие так называемые «демократические средства массовой информации». Трагические события в Северной Осетии освещались ими как борьба сторонников тоталитаризма и консерваторов (осетины. – *Аем.*) с приверженцами демократии (ингуши. – *Аем.*). В оголтелой и бездоказательной антиосетинской кампании тогда особенно отличился телеканал «Останкино» (ныне «Первый канал». – *Аем.*) во главе с Егором Яковлевым и газета «Известия» с главным редактором Игорем Голембиовским. Благодаря СМИ фактически вторую жизнь получил один из лозунгов конца 70-х – начала 80-х годов XX в. «лишь бы не было войны». Таким образом, кровавая трагедия на юге страны сыграла роль громоотвода для Б.Н. Ельцина и его команды псевдореформаторов. Появилась возможность «сделать паузу» и в очередной раз списать обнищание населения России на происки сторонников тоталитаризма и т. д. и т. п. Практически невозможно дать правовую и политическую оценку межнациональной войне 1992 г. на территории Северной Осетии без анализа действий Бориса Ельцина и либерал-реформаторов во главе с Егором Гайдаром и соответствующей оценки их деятельности. При всей трагичности кровавая бойня в Северной Осетии была лишь эпизодом отечественной истории. Невозможно вырвать из контекста какое-то событие, игнорируя целое. Пытаясь дать правовую оценку частному, приходится оценивать и общее, так называемые радикальные преобразования в экономике (политику «шоковой терапии», псевдоприватизацию или разворовывание общественного богатства), когда общенародное достоинство стало собственностью узкой группы лиц, приближенных к власти. Тогда могли стать достоянием гласности подробности залоговых аукционов и т. д. и т. п. А такой вариант развития событий задевал и задевает интересы многих представителей властной элиты и бизнесменов, так называемых олигархов. Во-вторых, в обществе независимо от симпатий уже сложился определенный консенсус по данной проблеме. Начало вооруженного противостояния спровоцировала ингушская сторона, напав 31 октября 1992 г. на Северную Осетию. Подобной точки зрения, кроме осетин придерживаются и независимые исследователи, в том числе и симпатизирующие ингушам [12].

В определенных местах Северного Кавказа с незапамятных времен существовал культ насилия (кровной мести), что до сих пор оказывает разрушительное воздействие на взгляды определен-

ной части населения. В то же время на Северном Кавказе издавна существовали и согласительные процедуры, позволявшие примирить враждующие стороны, чтобы избежать кровной мести. Об этом рассуждал убитый террористами в августе 1993 г. руководитель Временной администрации², вице-премьер правительства Российской Федерации В.П. Поляничко. Он предложил использовать народную дипломатию, чтобы осетины и ингуши, опираясь на идеи всепрощения, кавказские традиции, христианские и мусульманские ценности, совместно искали выход из создавшегося положения. Прогнозировать ситуацию намечалось на научной основе. С этой целью в штат Временной администрации ввели группу специалистов-конфликтологов. Реализация этих идей позволила бы выйти на решение сложнейшей проблемы в обозримом будущем. В то же время решение вопроса остановило бы финансовые потоки из федерального центра. Именно это обстоятельство и сыграло, по мнению ряда печатных СМИ, роковую роль в судьбе Виктора Поляничко. После гибели В.П. Поляничко его предложения не получили развития.

В свое время, анализируя проблему ингушско-осетинских отношений, ученый-психолог Х.Х. Хадиков (заведующий кафедрой психологии СОГУ им. К.Л.Хетагурова в 90-е гг. XX в., профессор) отметил: «...россияне из центра проецируют свою психологию, свой опыт, свои отношения на все кавказские народы и предлагают рекомендовать механизмы, исходя из своего своеобразия, но не из своеобразия конфликтующих сторон. Продолжение конфликтной ситуации колоссально вредит в основном двум сторонам: ингушам и осетинам. Поэтому разработка механизмов (примирения. – *Авт.*) крайне необходима. Чем быстрее это произойдет, тем быстрее мы сами, два народа, избавимся от этого тяжелого груза. Но, тем не менее, имеются определенные традиции у кавказских народов. Примирение кавказских народов всегда решалось на базе тех же кавказских традиций, которые у нас всех общие. И вот тут, без того чтобы не признать вину одной стороны, и не отметить, и не дать точной оценки, примирение почти невозможно. Следовательно, и механизмы примирения надо разрабатывать с учетом особенностей народов региона, где происходит конфликт» [7, с. 208]. С этим выводом трудно не согласиться. За прошедшие годы между ингушами и осетинами

настоящего примирения в духе кавказских обычаев и традиций не произошло. Конфликтный потенциал по-прежнему сохраняет свою разрушительную силу в опасном и проблемном регионе. Одним из основных институтов права является наказание и его неотвратимость за нарушение закона. Массовые убийства людей, независимо от их национальной принадлежности, в ходе недельной межнациональной территориальной войны, начатой ингушскими радикалами, остались безнаказанными. Таким образом, обстоятельства и политическая конъюнктура оказались выше норм права. Политическая целесообразность подменила закон.

В мае 2007 г. в Нальчике в Парламенте КБР прошло заседание «круглого стола» на тему «Межнациональный диалог в России в зеркале средств массовой информации». Северную Осетию на заседании представлял первый заместитель председателя парламента республики С.М. Кесаев. В частности, он отметил, что «мы (Северная Осетия. – *Авт.*) давно просим: дайте оценку событиям 1992 года. Обозначьте, кто в чем был виноват, и все станет на свои места. То ли виноваты не очень приобщившиеся к большой цивилизации народы, или сказывается отсутствие внятной политики на Северном Кавказе» [14]. Однако, давая оценку противоборствующим сторонам, как уже отмечалось, невозможно будет обойти молчанием и роль руководства Российской Федерации в трагедии 1992 г. В этом и заключается, на мой взгляд, причина, по которой осетины не могут добиться от федерального центра политической и правовой оценки недельной межнациональной войны на территории Северной Осетии осенью 1992 года. Таким образом, и новое руководство России уже в наши дни также уходит от ответа на принципиально поставленный вопрос. Причина, на мой взгляд, заключается в отсутствии научно обоснованной и выверенной на практике национальной политики.

В одном из обращений к гражданам России В.В. Путин сказал: «Слабых не любят, слабых бьют» [13]. Вооруженное нападение ингушских национал-экстремистов на Северную Осетию осенью 1992 г. и его страшные последствия не следует рассматривать как частный спор двух народов. Его следует рассматривать как реальную угрозу

²Указом Президента Российской Федерации от 29 сентября 1993г. №1507 для ликвидации последствий конфликта была создана Временная администрация (ВА). Её руководитель в зоне ингушско-осетинского конфликта назначался Президентом России или Председателем Правительства РФ по поручению Президента. В пункте №5 положения о Временной администрации также было сказано, что «Глава Временной администрации назначается в ранге заместителя Председателя Совета Министров – Правительства Российской Федерации, а первый заместитель главы временной администрации – из числа заместителей министра внутренних дел Российской Федерации». – Российская газета, 1993, 29 сентября – 1 октября. С.1.

Временной администрации были подчинены органы исполнительной власти Северной Осетии и Ингушетии. Фактически деятельность Временной администрации свелась к распределению денежных средств, направляемых из центра на ликвидацию последствий конфликта. В обязанности главы ВА входил контроль над целевым использованием огромных финансовых потоков из федерального центра. Первые позитивные сдвиги в деятельности Временной администрации наметились после назначения её руководителем В.П. Поляничко.)

национальной безопасности и целостности Российского государства. Решение этой затянувшейся на 20 лет проблемы позволит избежать подобных межнациональных войн в будущем. Ведь на Северном Кавказе практически нет народа, у которого не было бы претензий к соседним народам, в том числе и территориальным. Власть должна осознать свою ответственность перед гражданами России и, наконец, ясно и четко сформулировать свою позицию по окончательному политико-правовому урегулированию кровавой бойни, устроенной на территории Северной Осетии проникшими из Ингушетии бандитами.

Принципиально неверно думать, что борьба кланов в Ингушетии отодвинула в сторону территориальные претензии ингушей к Северной Осетии или они потеряли свою актуальность. Независимо от причин, вызвавших разногласия среди ингушей, они в целом едины по отношению к Осетии и осетинам. Об этом свидетельствуют и различные опросы общественного мнения. Так, например, у ингушей и осетин немало общих фамилий, много смешанных семей. Однако в настоящее время в ингушском обществе преобладают иные взгляды. В частности, в настоящее время 16,7 % мужчин-ингушей считают недопустимым брак с осетинами [16]. Среди ингушских женщин аналогичной точки зрения придерживаются 19 % [16]. В этих обстоятельствах вести речь о происках той или иной стороны бессмысленно. Федеральная власть должна взять всю полноту ответственности на себя. В сложившейся ситуации выбор крайне невелик. Либо удовлетворить территориальные требования ингушей. При этом Москва должна осознавать, что подобное решение ввергнет Северный Кавказ в пучину непредсказуемого этнополитического кризиса по принципу «все против всех». Либо принять новый Федеральный Закон, отменяющий статьи 3 и 6 Закона «О реабилитации репрессированных народов».

Безусловно, это решение может привести к осложнению ситуации на Северном Кавказе, в частности в ингушско-осетинских отношениях. Руководство страны должно объяснить и довести до сознания людей, что при решении проблемы оно руководствуется как интересами всех граждан, независимо от их национальной принадлежности, так и интересами многонационального государства. Твердость и жесткая последовательность федерального центра по стабилизации обстановки и отстаиванию интересов государства и прав его граждан, а не отдельных этносов или кланов, безусловно, даст положительный результат. На Северном Кавказе всегда ценили силу и твердость.

Краткие выводы. Все, что ныне сделано для урегулирования ингушско-осетинского конфликта, на мой взгляд, не даст скорого положительного результата. Как уже отмечалось, среди ингушей и осетин за годы противостояния образовалась своеобразная «пропасть» недоверия. Оба народа стали заложниками сформировавшихся у них стереотипов, рисующих друг друга в негативном свете. Определенную ответственность за такое положение несет и федеральный центр.

В этой связи необходимо отказаться от идеи добиться примирения или помирить ингушский и осетинский народы в обозримом будущем. Если воспоминания о депортации до сих пор будоражат память ингушей и других народов, то и «пепел» Беслана будет долго стучать в сердца не одного поколения осетин. Первым шагом на пути к нормализации отношений должно стать следующее. В общественном сознании должна возобладать сила закона вместо закона силы. И ингуши, и осетины как граждане Российской Федерации обязаны исполнять законы государства и уважать конституционные права друг друга. Поскольку права человека являются высшей ценностью, то инго Российское государство никому не позволит.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бугай Н.Ф., Гонов А.М.** Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е гг. XX в.). – М.: Новый хронограф, 2004. С. 255.
2. **Текущий архив палаты Совет республики Парламента КБР. Пленарные заседания. Ноябрь 2002 г.**
3. **Абдулатипов Р.Г.** Авторитет разума: [О философии разумной практики]. – М.: Славянский диалог, 1999. С. 278.
4. **История Северной Осетии. XX век.** – М.: Наука, 2003. С. 547.
5. <http://www.ingushetiya.ru/history/1992/65.htm>;
<http://www.ingushetiya.ru/history/1992/64.html>
6. **Здравомыслов А. Г.** Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тулуповой ситуации. – М., 1998.
7. **Магомедов А.А.** Самые чувствительные нервы. – Владикавказ: СОГУ, 1998. С. 207.
8. **Конституция Республики Ингушетия** // <http://www.ingushetiya.ru/institute/constitution.shtml>

[ingushetiya.ru/institute/constitution.shtml](http://www.ingushetiya.ru/institute/constitution.shtml)

9. **Трофимов В.** Зачем и какой нужен закон о национальной безопасности // *Обозреватель*. 2009. № 11. С.20.
10. **Леонидов И.** Куцеевская как зеркало России // www.rosbalt.ru/2010/12/31/806442.html
11. **Дзидзоев В.Д.** Осетия в эпоху больших потрясений и перемен. – Владикавказ: ФГОУ ВПО «Горский госагроуниверситет», 2010. С. 75.
12. **Гаджиев К.С.** Геополитика Кавказа. – М.: Международные отношения, 2003.; Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2006.
13. **Текущий архив Парламента КБР. Заседание Круглого стола «Межнациональный диалог в России в зеркале средств массовой информации» (стенографический отчет).** – Нальчик, 2007. 29 мая. С. 33.